

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

УДК 159.956

ПРОЦЕССЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карпов Анатолий Викторович
Карпов Александр Анатольевич

Статья подготовлена на основе пленарного доклада Всероссийской конференции «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии и психологии труда» (Институт психологии РАН, октябрь, 2015).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, № проекта 14-06-00542; Российского научного фонда, № проекта 16-18-10030 (разделы «Введение», «Результаты»); гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, № проекта НШ – 2165. 2014.6 (разделы «Результаты», «Заключение»)

Представлены материалы, раскрывающие новые закономерности детерминационного влияния процессов принятия решения на процессуальные и результативные параметры профессиональной деятельности. Показано, что существуют два основных типа такого влияния – прямое и косвенное. Выявлено и объяснено принципиально новое явление – феномен элиминативного поведения субъекта в ситуациях принятия решения. Дана классификация основных форм элиминативного поведения, согласно которой они дифференцируются на три основных класса – адекватные, неадекватные и ситуационно-относительные. Обнаружены и проинтерпретированы две новые функции процессов принятия решения в организации деятельности – структурообразующая и генеративно-порождающая. Сущность структурообразующей функции состоит в том, что процессы принятия решения, обладая отрицательной субъективной валентностью, детерминируют предпочтение таких стратегий деятельности и их структуры, которые минимизируют их функциональную роль в организации деятельности в целом. Сущность генеративно-порождающей функции заключается в формировании репертуара репродуктивных способов преодоления неопределенности, а тем самым – и в повышении надежности всей деятельности, а также минимизации субъективных затрат на ее реализацию.

Сформулирован новый методологический подход к исследованию процессов принятия решения. Согласно ему, они должны изучаться не прямо и непосредственно, что предполагается методологией традиционной теории решений, а принципиально иначе – опосредствованно, точнее – деятельностью-опосредствованно. Они должны трактоваться и изучаться как такие операционные средства, которые формируются и реализуются «в» деятельности и «для» деятельности – как естественные и объективно необходимые для ее организации операционные средства. Лишь в деятельности они обретают поэтому свое конкретно-системное бытие, свою истинную – ненарушенную «исследовательскими процедурами» форму и наиболее богатый вид, развернутое содержание. Такой подход и равнозначен тому, что в системной методологии обозначается как смена призм видения – «предметоцентрической» на «системоцентрическую».

С этих позиций обнаружено и проинтерпретировано принципиально новое явление, обозначенное как «феномен элиминативного поведения», суть которого состоит в целенаправленной минимизации степени представленности процессов принятия решения в структуре деятельности и тем самым – обеспечения ее более высокой надежности.

Ключевые слова: *принятие решения, деятельность, структура деятельности, элиминация, структурообразующая функция, качество решений, эффективность деятельности, детерминистский способ, репродуктивный способ, субъект решений.*

Введение

В настоящее время в структуре психологического знания существуют два очень крупных и внутренне дифференцированных направления исследований – психологическая теория деятельности и психологическая теория принятия решения. Наряду с собственным – предметно-специфическим содержанием, каждое из них имеет и более широкое – по существу, общепсихологическое значение, значимо содействуя разработке целого ряда иных фундаментальных психологических проблем. Кроме того, очень показательна и даже поучительна та ситуация, которая сложилась сегодня в плане их взаимоотношений, т. е. «на стыке» этих проблем. Сущность ситуации состоит в следующем. Каждое из указанных направлений достаточно интенсивно развивается, так сказать, «само по себе» – автономно от другого, вне должных концептуальных и иных связей с ним. Внутри каждого из них накоплен очень большой и, фактически, труднообозримый эмпирический материал, сформулировано множество частных объяснительных концепций.

Вместе с тем, ни в историческом, ни в предметном плане между этими направлениями нет должного взаимодействия, не говоря уже

о каком-либо «концептуальном синтезе» между ними. Так, психологическая теория решений, фактически, не контактирует с теорией деятельности, не опирается ни на ее понятийный аппарат, ни на полученный в ней эмпирический материал, ни на сделанные в ней концептуальные обобщения. Эта теория, взятая даже в ее наиболее развитом варианте – в так называемой поведенческой теории решений, носит отчетливо выраженный внедеятельностный и внеповеденческий характер (несмотря на ее название) и столь же выраженную когнитивистскую ориентацию. Она обозначается как «поведенческая», в основном, лишь в силу того, чтобы указать на ее принадлежность к дескриптивно-психологическому подходу к разработке теории ПР в противовес другому основному подходу (нормативно-рационалистическому как подчеркнуто внепсихологическому). Первая особенность проявляется в доминировании в ней собственно экспериментальных (лабораторных), т. е. именно внедеятельностных методов изучения, а также в рассмотрении процессов принятия решения (ПР) в возможно более «чистом» виде – т. е., повторяем, в изоляции от целостного деятельностного и поведенческого контекста. Вторая особенность проявляется в очевидном преобладании в ней изучения когнитивных феноменов, процессов и механизмов ПР и в столь же очевидном отставании изучения иных – не менее важных его аспектов. Начиная с первых работ в данной области (скажем, с теории «ограниченной рациональности» Г. Саймона [22] и по ходу всего дальнейшего развития – например, в теории «познавательных уклонов» А. Тверского и Д. Канемана [21]), основной акцент делается на исследовании именно когнитивных «составляющих» этих процессов.

Наряду с этим, и психологическая теория деятельности до сих пор в очень слабой степени ассимилировала основные положения психологической теории ПР. При ее разработке сложилась стойкая и в целом достаточно негативная традиция, состоящая в отношении к психологической теории ПР как к чему-то такому, что не обязательно должно учитываться при разработке ключевой проблематики теории деятельности. Ни в работах классиков теории деятельности (скажем, С. Л. Рубинштейна [19] и особенно А. Н. Леонтьева [14]), ни во многих последующих концепциях деятельности нет подчас даже самого термина «принятие решения». И хотя в более современных версиях теории деятельности она «вынуждена» обращаться к данным относительно закономерностей процессов ПР, раскрытых в теории решений, такое обращение носит все же явно недостаточный и иногда фрагментарный характер. Даже в наиболее разработанных версиях теории деятельности, приведших к разработке структурно-функциональных моделей организации деятельности и направленных на экспликацию закономерностей целостной организации деятельности, разработанных на относительно поздних

этапах развития теории деятельности [например, 2, 3, 4, 12, 17], такому ее важнейшему компоненту, как процессы ПР, уделяется явно недостаточное внимание. Во избежание недоразумений подчеркнем, что речь при этом идет не о том, что таких исследований не проводится вообще, а о том, что их масштаб совершенно *несопоставим* с фундаментальной значимостью указанных направлений. В итоге такой несинтезированнойности двух этих направлений «страдают» они оба, а отсутствие реального взаимодействия между ними все более явно и значимо сдерживает их конструктивную разработку.

При этом очень характерно и то, что все это имеет место на фоне постоянно декларируемых и признаваемых всеми исследователями «центральной и определяющей», «решающей» (не только в переносном, но и в *прямом* – этимологическом смысле) роли процессов в плане обеспечения результативных параметров деятельности. Кроме того, важно учитывать, что атрибутивная взаимосвязь предметных областей обеих рассматриваемых теорий не только осознается исследователями достаточно отчетливо, но и сама она является явной и многогранной. В наиболее общем и принципиальном виде она состоит в следующем. Структурно-функциональная организация деятельности как целостной системы, фактически, не допускает своего достаточно полного раскрытия вне опоры на экспликацию закономерностей процессов ПР, поскольку они играют центральную и во многом определяющую роль в этой организации. Следовательно, и теория деятельности будет принципиально неполной и некорректной без включения в ее концептуальный состав психологической теории ПР. Однако не менее очевидно и то, что сами процессы ПР не могут быть раскрыты полно и корректно в их внедеятельностном и внеповеденческом виде, т. е. вне той реальной и онтологически представленной системы, в которой они обретают комплекс своих истинных характеристик и целостность (а значит – и полноту) своей организации. Данное обстоятельство составляет, как известно, суть главной – «критически» значимой проблемы всей современной теории решений – проблемы *экологической валидности* ее эмпирического базиса и осуществленных на его основе концептуальных обобщений.

Далее, в данной связи нельзя не отметить и еще одно – также достаточно существенное обстоятельство, свидетельствующее о неестественности сложившейся в настоящее время ситуации. С одной стороны, единодушно признается, что именно процессы ПР – в силу их объективно определяющей роли в организации деятельности и в обеспечении ее результативных параметров, характеризуются и относительно наибольшим потенциалом *прикладной оптимизации*. Это означает, что именно их исследование содержит в себе наибольшие возможности для практической оптимизации деятельности, ее рационализации, отбору к ней и т. п. Однако, в резком контрасте с этим

находится то, что именно этот – объективно, повторяем, наиболее важный в прикладном плане процесс, изучен в относительно меньшей степени, нежели многие иные (несопоставимые с ним по потенциалу прикладной оптимизации) компоненты деятельности.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что сложилась и еще одна традиция, связанная уже с тем, каким образом принято объяснять констатированную выше несинтезированность двух рассматриваемых важнейших областей психологии. Она как раз и состоит в том, что обычно причина этого связывается с наибольшей *сложностью* процессов ПР как предмета изучения (и в целом, и в качестве компонента общей структуры деятельности), а следовательно, – и с наибольшими *трудностями* их изучения. В результате этих трудностей, «на выходе» именно процессы ПР оказываются раскрытыми в относительно меньшей степени по сравнению со многими иными психологическими «составляющими» деятельности. Фактически, имеет место та, нередкая для психологических исследований ситуация, когда *объективно* наиболее значимое явление выступает *гносеологически* наименее раскрытым – именно по причине его наибольшей сложности. Вместе с тем, несмотря на справедливость данного объяснения, все же остается открытым наиболее значимый вопрос. Это – вопрос о том, может ли быть объяснена *только* указанной причиной столь явная и сохраняющаяся на протяжении уже достаточно длительного времени несинтезированность двух рассматриваемых направлений? Не лежат ли в ее основе причины более глубинного, но одновременно – и более значимого плана? Что в *действительности* «скрывается» за отсутствием должного синтеза этих направлений – причем, повторяем, на фоне редкого по своему единодушию, но преимущественно лишь декларативного признания «решающей роли» процессов ПР в организации деятельности? Попытка ответа на данный вопрос и составляет основную цель представленного ниже анализа.

Результаты

На наш взгляд, для того чтобы ответить на сформулированный выше вопрос, необходимо эксплицировать некоторые ключевые особенности логики развития обоих рассматриваемых здесь направлений. Так, во-первых, необходимо предельно четко осознать, что доминирующий в современной теории решений до сих пор внедеятельностный (и внеповеденческий) характер исследования процессов ПР есть не что иное, как проявление и следствие столь же отчетливо господствующего *аналитического* подхода в ее развитии, аналитической методологии в целом. Следовательно, данная теория должна преодолеть характерную для нее аналитичность посредством реального, а не декларативного исследования процессов ПР именно в структуре деятельности, т. е. в качестве ее реального компонента. Другими словами, тем

самым она должна, фактически, сделать «шаг навстречу» именно теории деятельности. Одновременно этот шаг, с гносеологической точки зрения, как раз и эквивалентен смене *аналитического* (внедеятельностного) подхода в разработке теории ПР на *системный*. При этом в качестве более общей и онтологически представленной системы по отношению к процессам ПР выступает целостная деятельность.

Однако и теория деятельности также должна сделать ответный «шаг навстречу» теории ПР. Его суть состоит в том, что теория деятельности должна, наконец, преодолеть свою определенную симплифицированность, проявляющуюся в том, что в ней явно недостаточное внимание уделяется *наиболее* сложным процессам и образованиям – прежде всего, образованиям подчеркнута интегративного, синтетического типа (каковыми и являются процессы ПР). В данной связи следует подчеркнуть, что достаточно слабая «сензитивность» традиционных вариантов психологической теории деятельности новым и новейшим психологическим данным (например, полученным в рамках когнитивной психологии и метакогнитивизма) вообще является одной из отличительных особенностей ее современного состояния, которая также отнюдь не свидетельствует о ее концептуальной зрелости. Именно эти интегративные «составляющие» в первую очередь и решающим образом обеспечивают именно интеграцию, а значит – и целостность деятельности. Поэтому именно они и позволяют ей быть тем, чем она реально и является – системой в непосредственном и полном смысле данного понятия со всеми присущими системности атрибутами. Тем самым, лишь через изучения интегративных процессов и структур деятельности – и в целом, и процессов ПР как наиболее характерных среди них по отношению к деятельности – может быть реализован (не на словах, а на деле) *принцип системности*.

Таким образом, можно видеть, что данный принцип, равно как и системный подход в целом, является тем «концептуальным мостом», который позволяет реализовать синтез психологической теории деятельности и психологической теории ПР. Подход к исследованию процессов ПР должен быть не «прямым» и, так сказать, «лобовым» (но одновременно – и аналитическим), а принципиально иным – опосредствованным, точнее – *деятельностно-опосредствованным*. «Предметоцентрическая» призма видения (когда «в центр» исследования ставится сам предмет непосредственно – процессы ПР) должна быть трансформирована в «системоцентрическую» призму видения (когда «в центр» исследования ставится целостная система, в которой сам предмет представлен в его реальном и ненарушенном исследовательскими процедурами, а значит – максимально полном и богатом содержанием, виде) [13]. Однако это же означает, что за «исходный пункт» анализа процессов ПР должны быть

взяты не они сами – непосредственно и в так называемом «чистом виде», а реальная деятельность и поведение, «в» и «для» которых они формируются и функционируют, и в которых обретают свой истинный вид и полноту своих психологических закономерностей. Наконец, это же означает, что базовой и исходной методологией разработки проблемы ПР должна выступить методология *психологического анализа деятельности*, а получаемые при его осуществлении результаты и должны составить существенно обновленный и содержательный – *экологически валидный* эмпирический базис для самой психологической теории ПР.

Действительно, как показал психологический анализ большого числа видов профессиональной деятельности – реальная картина процессов ПР в них оказалась гораздо более сложной и неоднозначной, нежели это можно было ожидать на основе существующих общетеоретических представлений. Анализировался достаточно широкий спектр видов профессиональной деятельности: операторов нефтеперерабатывающего производства (технологов, диспетчеров), операторов сортировочных горок на железнодорожном транспорте, операторов АЭС, операторов-космонавтов, ряд водительских профессий, операторов-испытателей, операторов систем военного назначения, программистов, деятельность детских и общих хирургов, ряд видов управленческой деятельности и др. – всего более 20 видов (см. обзор в [8]). В частности, уже с самых первых шагов исследования обнаружилось явление, которое, на первый взгляд, совершенно не соответствует сложившимся в теории решений традиционным представлениям о базовых особенностях организации процессов ПР, но которое при более глубоком анализе вскрывает одну из основных закономерностей организации ПР в деятельности. Оно состоит в том, что *первым* и наиболее очевидным результатом анализа деятельности выступает не использование процессов ПР (и их разновидностей) в непосредственной форме, а явление в некотором смысле *противоположное* ему. Его сущность заключается в применении субъектом различных средств и приемов, направленных на то, чтобы *избежать* самой *необходимости* принятия решения. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем (см. далее), тенденция к исключению – к *элиминации* из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельности. Уже феноменологически можно видеть, что субъект обычно рассматривает принятие решения как одно из наиболее *нежелательных* средств организации деятельности (скорее всего, из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо

не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.).

Эта тенденция (явление элиминации) в естественных условиях оказывает очень сильное влияние как на динамику и результаты деятельности, так и на ее субъективные характеристики. Более того, вопреки своей функциональной направленности (устранению процессов ПР из деятельности), она глубоко и органично связана с принятием решения как психологическим явлением [5, 10]. Дело в том, что, во-первых, она ими *порождена*; во-вторых, они оказывают существенное влияние на формирование важнейшей составляющей процессов ПР – субъективного представления о задаче ПР; в-третьих, и это главное, они сами являются одной из форм (правда, очень специфической) принятия решения. Действительно, отказ от решения также должен быть понят как своеобразное решение, а выбор «ПР-избегающей» стратегии – это тоже *выбор*. Именно эти «решения о решениях», или «решения второго порядка» и составляют суть элиминативных явлений. Посредством такого рода метарешений принимается решение, так сказать, «второго порядка» – идти на принятие какого-либо конкретного решения или же постараться уйти от него. Это «решение о решении», решение «второго порядка», почему, собственно, оно обозначается понятием метарешения.

Указанная тенденция – своего рода *элиминативное* поведение (т. е. поведение, направленное на минимизацию актов принятия решения в деятельности) – в естественных условиях оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты (например, напряженность). Более того, вопреки своему изначальному смыслу (устранению процессов принятия решения из деятельности), она глубоко и органично связана именно с этими процессами, поскольку, во-первых, ими порождена; во-вторых, оказывает сильное влияние на формирование субъективного представления о задаче выбора; в-третьих, само это поведение есть не что иное, как разновидность принятия решения, т. к. реализуя его, субъект *решает*, идти ему на выбор или попытаться уйти от него. Посредством такого рода метарешений принимается решение, так сказать, «второго порядка» – идти на принятие какого-либо конкретного решения или же постараться уйти от него. Это, повторяем, «решение о решении», решение «второго порядка», почему, собственно, оно и обозначается понятием метарешения.

Между тем, в традиционной теории решений это явление не обнаруживается и не анализируется. Это вполне закономерно, поскольку в данной теории процессы ПР исследуются, как правило, вне структуры деятельности, аналитически. Такой подход не может обнаружить указанное явление в силу своей исходной ориентации. Было бы вместе с тем неправомерно утверждать, что явления, частично сходные с элиминативным поведением, вообще

не рассматривались в психологических работах. Например, отмечаются такие средства ухода от необходимости в принятии решения, как: избегание ситуаций ответственных решений [19], максимальная оттяжка решений во времени [1], подмена самостоятельного решения неадекватным поиском алгоритма («заалгоритмизированность» деятельности) [20], тенденция к переложению решений на других лиц [10] и др. Следует, однако, подчеркнуть, что, во-первых, все эти явления рассматриваются вне связи с психологической теорией решений, вообще *вне связи* с изучением процессов принятия решения; во-вторых, перечень и разнообразие этих явлений, отмеченных в литературе, нельзя считать *полными*; в-третьих, они не объединены в качественно однородную *группу*, поскольку за их разнообразием не распознано сходство их функциональной направленности, все они не систематизированы и не классифицированы. Однако есть основания считать, что эти явления в такой же мере должны быть предметом изучения теории решений, как и теории деятельности. Они выступают как бы опосредующим звеном между структурой деятельности и процессами выбора в ней.

Конкретные средства элиминативного поведения (как показано в [5]) должны быть подразделены на три основные категории: адекватные, неадекватные, ситуативно-зависимые (см. рисунок 1). К *адекватным средствам элиминации*, в частности, относятся: сбор заведомо избыточной информации в целях подготовки к возможным ситуациям выбора; использование стратегий и способов деятельности, минимизирующих количество потенциальных ситуаций выбора; формирование представления о ситуации решения в схематизированном виде за счет ее упрощения и абстрагирования от ряда ее параметров; выход из ситуаций посредством обращения к «информации по запросу»; предвидение возникновения ситуаций решения и упреждающее переструктурирование нормативного способа деятельности в целях их предотвращения; адекватное отсрочивание решения с целью сбора дополнительной информации.

К *неадекватным средствам элиминации* следует отнести: неосознанное «незамечание» ситуаций, являющихся объективно неопределенными и требующими реализации процессов принятия решения (например, вследствие несформированности способов получения профессионально важной информации или же по причине действия «психологических защит»); неадекватное затягивание решений; избегание ситуаций решения путем выбора неэффективной стратегии деятельности; переложение решений на других лиц; действие по неадекватному данной ситуации алгоритму взамен выработки самостоятельного решения; отказ от решения и пассивное ожидание «саморазрешения» ситуации принятия. В плане анализа неадекватных средств элиминации были введены также понятия «парциальных»

и «замещающих» решений [5]. «Парциальное» решение характеризуется тем, что в его результате происходит не полное, а частичное разрешение исходной проблемы; под «замещающим» решением понимается такое решение, в котором акт выбора, хотя и имеет место, но соотносится не с существом объективной проблемы, а с ее второстепенными, неглавными аспектами. Кроме того, существуют также и *ситуативно-зависимые* средства элиминации. Их эффективность (и вообще – адекватность) определяется содержанием и спецификой актуально складывающейся, т. е. *конкретной* деятельностной ситуации. Они поэтому (в аспекте их влияния на деятельность) являются не абсолютными – оценочными, а *относительными*: точнее – деятельностно-относительными. Вся эта – охарактеризованная выше и достаточно богатая, развернутая феноменология, связанная с процессами метарешений, безусловно, не может быть игнорирована при раскрытии процессуально-психологического содержания деятельности.

Рисунок 1. Основные категории средств элиминативного поведения

Далее, исследования показали, что выраженность этих явлений, их *функциональная роль* в регуляции деятельности *возрастает* в зависимости от степени освоенности деятельности. На начальных этапах освоения субъект, как правило, еще не в состоянии предвидеть возможное возникновение ситуаций ПР, прогнозировать их и либо готовиться к ним, либо предотвращать их. На более продвинутых этапах освоения деятельности такое «пассивное» реагирование на возникновение ситуаций ПР трансформируется в *активное избегание* ситуаций ПР, замену процессов ПР иными, как правило, более надежными средствами организации деятельности.

Таким образом, сформированность элиминативных средств – очень важный показатель степени освоенности деятельности, условие ее надежности и эффективности. Однако на фоне этой общей закономерности обнаруживаются устойчивые *индивидуальные различия* в мере выраженности элиминативной тенденции, в связи с чем необходимо различать два типа стратегий организации деятельности – «элиминативную» и «неэлиминативную». Лица, устойчиво предпочитающие первую из них, характеризуются максимальным стремлением к прогнозированию, к возможно более полному предотвращению и (или) избеганию уже возникших ситуаций ПР. Поэтому они могут быть обозначены как «гипопроблемные» индивиды. Лица, предпочитающие вторую стратегию, несколько легче включают в деятельность процессы ПР, не используют столь широкий круг средств элиминации, как это было в случае первого типа стратегий (в силу чего они могут быть обозначены как «гиперпроблемные» индивиды).

На основании сказанного появляются основания для дифференциации *специфически* деятельностного параметра *индивидуально-стилевых* различий в реализации процессов ПР по мере выраженности элиминативной тенденции. Данный параметр, как и любой иной индивидуально-стилевой параметр, не проявляется существенным образом в результативных показателях деятельности, а относится, преимущественно, лишь к ее *процессуальной* (стратегической) стороне. Кроме того, было установлено, что в основе выделенных типов лежат разные «симптомокомплексы» индивидуальных качеств (различные их структуры, разнородные по критерию) [6]. Для лиц, придерживающихся «элиминативной» стратегии («гипопроблемных» индивидов), это относительно более высокое развитие таких качеств, как интернальность, самоконтроль, долговременная память, нейротизм, а также фактор («высокое рабочее напряжение») по методике 16PF Р. Кэттелла. Для лиц, придерживающихся «неэлиминативной» стратегии («гиперпроблемных» индивидов), это, прежде всего, следующие качества: экстернальность, скоростные параметры интеллектуальных операций, эмоциональная стабильность, оперативная память. Таким образом, индивидуально-стилевые различия процессов ПР в деятельности определяются не каким-либо одним свойством (или их аддитивной совокупностью), а являются *структурно-обусловленными*.

В связи с этим важно, на наш взгляд, особо подчеркнуть, что та, действительно, обнаруживающаяся в ходе психологического анализа деятельности (и повседневного поведения) очень широкая представленность и важная роль указанных явлений, эксплицирует их истинную значимость для их организации. Они раскрываются в качестве очень общих и, по существу, фундаментальных явлений (а частично – механизмов) такой организации. Для выявления этой роли необходимо, однако, заглянуть за их феноменологический «фасад» и подвергнуть их адекватной концептуализации. Она,

в свою очередь, возможна лишь с позиций синтеза теории решений и теории деятельности и состоит в следующем.

С этих позиций все указанные явления раскрываются, во-первых, как, хотя и очень специфические, но все же именно как процессы выбора – от-носительно того, идти на реализацию процессов ПР или же попытаться уйти от него, т. е. как *метарешения*. Они, однако, существуют и обнаруживаются лишь в контексте целостной деятельности – ее системе, и выступают как необходимые операционные средства ее организации. «За пределами» деятельности (и поведения) они не существуют и, соответственно, не обнаруживаются. В системе деятельности они выступают, таким образом, в качестве своеобразной *превращенной формы* процессов ПР. В этом и заключается их истинная специфичность и трудность их распознавания именно в качестве разновидностей процессов выбора. Можно видеть также, что она преодолевается лишь с позиций деятельностно-опосредствованного, т. е., по существу, системного исследования этих процессов – при их рассмотрении в качестве объективно необходимых компонентов целостной системы деятельности.

Во-вторых, с этих позиций несколько по-новому и более объемно раскрывается и истинная детерминационная роль процессов ПР по отношению к организации деятельности, а также к обеспечению ее результативных параметров. Обычно эту роль принято рассматривать следующим образом. Процесс ПР имеет те или иные собственные результативные параметры – он может быть либо более, либо менее успешным. Одновременно он, естественно, включен в состав деятельности как одно из необходимых и, более того, решающих операционных средств ее реализации. Тем самым и его качественные характеристики непосредственно влияют, а нередко – и предопределяют общие результативные параметры всей деятельности. Все это, разумеется, справедливо. Однако только к этому реальная роль процессов ПР не сводится. Дело в том, что, как показано выше, процессы ПР, обладая своеобразной «отрицательной валентностью», стимулируют субъекта проявлять тенденцию к их возможно более полному исключению (элиминации) из деятельности, поскольку они объективно сопряжены с известным, а часто – и немалым риском. Они не являются поэтому оптимальными средствами ее организации. Субъект, в силу сказанного, выбирает и (или) формирует такие стратегии и способы реализации деятельности (вообще – стремится к такой ее организации и к такой ее структуре), которые позволяли бы достигать именно этого – минимизировать функциональную роль в ней процессов ПР. Одним из конкретных проявлений этого является, в частности, уже отмеченная выше прямая связь «гипопроблемного» стиля организации деятельности с выбором и предпочтением *активной* (упреждающей) стратегии реализации деятельности управленческого типа.

Метафорически выражаясь, можно сказать, что процессы ПР как бы «выдавливают» сами себя из общей организации деятельности путем выбора и (или) формирования таких стратегий ее реализации, а в конечном счете, – и такой ее структурной организации, которая минимизировала бы их функциональную роль в ней. Тем самым они оказывают на нее – и на ее процесс, и на ее результативную сторону – влияние совершенно иного типа, нежели это принято считать традиционно. Они влияют на них уже не только прямо, а опосредствованно: эффективность деятельности выступает при этом уже не в качестве прямой функции качества процессов ПР, а в качестве функции от меры их представленности в общей структуре деятельности. Чем эта мера ниже (естественно, в известных пределах), тем эффективность, а главное, – надежность деятельности выше. На основании всего сказанного с достаточной степенью очевидности эксплицируется особая и очень важная, на наш взгляд, функция процессов ПР в организации деятельности (и, соответственно, в обеспечении ее результативных параметров) – *структурообразующая*. Процессы ПР оказывают влияние на результативные параметры деятельности не только прямо и непосредственно, но и через детерминацию ими (точнее – субъективной тенденцией их исключения из деятельности) такой структуры ее организации, которая позволила бы достичь этого – минимизировать их функциональную роль в ней. Это – хотя и более сложный (в том числе и для его обнаружения и понимания), но, не исключено, и более существенный тип детерминационного влияния процессов ПР на деятельность.

С точки зрения представленных выше результатов становится очевидной еще бóльшая, нежели это полагается традиционно, сложность организации деятельности. Дело в том, что в этой организации «сталкиваются и переплетаются» две общие по фундаментальности их значимости, но диаметрально противоположные по психологическому смыслу тенденции, носящие при этом одинаково объективный характер. Первая – это уже рассмотренная выше тенденция субъекта к элиминации процессов ПР из структуры деятельности и к минимизации их функциональной роли в ее организации. Однако эта тенденция является в такой же степени *субъективно-желательной*, в которой она выступает одновременно и как *объективно-неосуществимая* в полной мере. Ситуации выбора, хотя и могут быть минимизированы в деятельности, причем достаточно радикально, все же полностью, т. е. принципиально неустранимы из нее. В результате и вся деятельность разворачивается «в пространстве», образованном двумя «полюсами»: субъективной элиминативной тенденцией и объективной неустранимостью самого предмета этой элиминации – ситуаций ПР и, соответственно, процессов выбора в них. Одновременно это и одно из основных противоречий, лежащих в основе реализации деятельности: тот

объективный антагонизм, который выступает одним из основных факторов, динамизирующих деятельность и, соответственно, лежащих в основе всей ее функциональной динамики.

Психологический анализ деятельности в аспекте функциональной роли в ее организации процессов ПР позволяет, далее, выявить еще одну достаточно значимую, по нашему мнению, закономерность, суть которой заключается в следующем. Так, представляется вполне очевидным (по крайней мере, на первый взгляд), что во всех тех случаях, когда феномены и средства элиминации, рассмотренные выше, «не срабатывают» (т. е. оказываются либо недостаточными, либо дают «отрицательный» результат), субъект вынужден идти на реализацию процессов ПР. Иного выхода просто не остается (даже – по определению). Кроме того, представляется столь же очевидным, что эта реализация должна осуществляться по такому «сценарию», который подробно охарактеризован в психологической теории решений и закреплён в представлениях о так называемой «канонической форме» выбора [16].

Согласно этим представлениям, сущность такой «канонической» формы процессов ПР состоит в следующем. Субъект при возникновении ситуаций неопределенности и невозможности действовать в них по известному способу реализует так называемый «полный цикл» процесса ПР, включающий три основных этапа – информационную подготовку решения, собственно принятие решения, а также его реализацию. Подчеркнем, что при этом возникновение ситуаций неопределенности рассматривается как необходимое и достаточное условие для инициации собственно *продуктивных* процедур, направленных на выработку некоторого нового способа выхода из ситуации, а затем и его принятия в качестве операционного средства организации деятельности. После этого и «на основе этого» осуществляется третий этап – реализация принятого решения (с возможностью последующей его коррекции). Такая процедурная организация лежит, как известно, в основе одного из двух важнейших способов выработки и принятия решения, обозначаемого понятием *детерминистского* способа. Его суть как раз и заключается в том, что он, фактически, реализуется посредством «двухшаговой» процедуры. На первом «шаге» субъект, принимая максимизированную установку на полную компенсацию («снятие») неопределенности, стремится к восстановлению – поиску, добору, «вычерпыванию» имплицитной информации. Фактически, речь идет о том, чтобы практически полностью (пусть лишь и с субъективной точки зрения) устранить неопределенность из ситуации выбора. На втором «шаге» посредством, в основном, рационалистически-дискурсивных процедур и при стремлении к возможно большей обоснованности аргументов и «взвешиванию» альтернатив осуществляется собственно принятие решения. Его выбор имеет в данном случае успешивный характер и реализуется, повторяем, на основе принятия

субъектом максимизированного критерия предпочтительности практически всех компонентов выбора. Это означает, что субъект стремится к использованию, в основном, нормативных правил выбора и максимально информационно емких и объективно представленных информационных признаков; к реализации дискурсивных, а частично – и регламентированных в нормативно одобренном способе деятельности процедур выработки решения и т. п.

Данный способ позволяет, таким образом, компенсировать неопределенность на очень существенном интервале ее возрастания и тем самым принимать достаточно обоснованные, т. е. именно детерминистские решения. В дальнейшем, т. е. при последующем возрастании степени неопределенности, однако, имеет место феномен, также описанный в теории решений и состоящий в следующем. При некоторых значениях степени неопределенности возможности субъекта к ее компенсации и, соответственно, к выработке решений на основе детерминистского способа оказываются уже недостаточными. Реализация детерминистского способа становится уже поэтому объективно невозможной, и субъект переходит к выработке решений на основе принципиально иного – *вероятностного* способа. Его сущность состоит в следующем. В силу значительной степени неопределенности и, соответственно, столь же высокой степени сложности объективной ситуации, индивид реализует установку уже не на ее субъективно-полную компенсацию («снятие») неопределенности разрешения, а лишь на частичное ее преодоление. В силу этого, решения обретают именно вероятностный характер, т. к. частичное снятие неопределенности дает лишь те или иные шансы для достижения общих целей субъекта и для реализации на этой основе тех или иных деятельностных функций, но не гарантирует их. Характерной особенностью данного подуровня является и то, что он базируется не на дискурсивно-рациональных способах разрешения ситуации, а в основном на интуитивных средствах и приемах. Смена двух указанных способов образует собой так называемый «ДВ-переход», т. е. трансформацию одного из них (детерминистского) в другой (вероятностный). Она лежит в основе процессуальных трансформаций принятия решения при возрастании степени неопределенности внешних условий. Сказанное можно проиллюстрировать следующим образом (см. рисунок 2).

Вместе с тем, реальная картина организации процессов ПР в деятельности, а также динамика основных способов их подготовки при этом оказалась существенно более сложной и неоднозначной, но одновременно – и психологически более богатой. Сущность отличий реальной картины от той, которая считается нормативной и принята в качестве «канонической» в теории ПР, состоит в том, что в структуру деятельности включается принципиально *новый* способ подготовки и принятия решения (точнее – целое семейство

качественно гомогенных стратегий по его организации). Он может быть обозначен как *репродуктивный*, а его содержание и общий смысл являются в такой же мере простыми и очевидными, даже – интуитивно ясными, в какой он явно недооценен и, фактически, во многом просто «обойден вниманием» в психологических исследованиях деятельности и процессов ПР в ней. В значительной степени это объясняется самой его сущностью. Она, в свою очередь, базируется на феномене (точнее – механизме) *репродуктивности* как таковой. В общем плане его смысл состоит в следующем.

Рисунок 2. Взаимосвязь динамики основных способов реализации процесса ПР и степени неопределенности ситуации (нормативный подход)

Трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что реальная организация деятельности, ее осуществление в естественных, «жизненных», т. е. экологически валидных условиях (в ее массовом случае) в подавляющем числе случаев – и в целом, и в плане реализации процессов ПР в особенности, базируется именно на принципе репродуктивности. Действительно, несомненная реальность такова, что в огромном большинстве случаев деятельность и процессы ПР отнюдь не строятся (и даже *не должны* строиться) по типу нахождения какого-либо *нового* варианта, нового способа их организации в тех или иных ситуациях, т. е. по типу *продуцирования* новых стратегий и решений выхода из тех или иных деятельностных ситуаций (или ситуаций ПР). Эта организация строится принципиально иначе (и даже – противоположным образом). Субъект просто *распознает*, идентифицирует

в актуально возникающей ситуации ту или иную – уже встречавшуюся ранее ситуацию, затем относит ее к какому-либо знакомому ему типу; и, наконец, на основе всего этого репродуцирует тот вариант поведения (организации деятельности), который уже представлен в его прошлом профессиональном опыте как релевантный данному типу.

Иными словами, подавляющее большинство ситуаций, связанных с организацией деятельности, разрешается именно на основе принципа репродуктивности, а не продуктивности. Более того, оно не только «разрешается», осуществляется именно на основе данного принципа, но и *должно* осуществляться именно на его основе. Последнее объясняется достаточно просто. Любая «продукция», т. е. любой *новый* – спродуцированный вариант выхода из деятельностных ситуаций атрибутивно и объективно сопряжен с известным *риском* (уже просто потому, что он новый, а следовательно, еще не апробированный). Однако, именно это – рискованность – как раз и является наиболее негативным и нежелательным элементом организации практически всех видов реальной профессиональной деятельности. Вся ее организация и, прежде всего, нормативная регламентация как раз и направлены обычно именно на то, чтобы, по возможности, наиболее полно *исключить* данный элемент из нее.

В силу этого, по отношению к деятельности в целом и процессам ПР в ней, в частности, именно репродуктивность как базовый принцип ее организации является не только более важным и «позитивным», но и, фактически, императивным. Сама суть процедурной организации деятельности как раз и направлена обычно на то, чтобы максимально регламентировать, стандартизировать желательное – и алгоритмизировать ее. Это, разумеется, не относится к таким специфическим типам деятельности, как, скажем, творческие, «свободные» ее типы. Для подавляющего большинства «экологически валидных» случаев, т. е. для «мира деятельности» в целом, именно репродуктивность – это безусловное благо, чрезвычайно позитивный момент и фактор в ее организации, носящий, повторяем, фактически императивный характер. И напротив, для столь же подавляющего числа реальных случаев «продуктивности», мягко говоря, «не приветствуется», а нередко – просто запрещается и соответственно наказывается.

Вместе с тем, в силу целого ряда причин, в психологии деятельности (впрочем, не только в ней, но и в иных сферах исследований – например, в психологии мышления) данный феномен приобрел, в основном, «негативную» семантическую окраску. Он как бы оппозиционируется противоположному по отношению к нему феномену – продуктивности, который, наоборот, рассматривается как безусловно позитивный во всех отношениях. Согласно этой трактовке, «репродуктивный» – значит рутинный и повторяющийся, «старый»

и «неинтересный», даже – косный, стереотипный и пр. И напротив, «продуктивный» – значит новый и оригинальный конструктивный, результативный и пр. Конечно, во всем этом есть доля истины – но только лишь доля. По отношению именно к деятельности и, прежде всего, профессиональной, существенно большее значение имеют иные стороны и характеристики самого феномена репродуктивности.

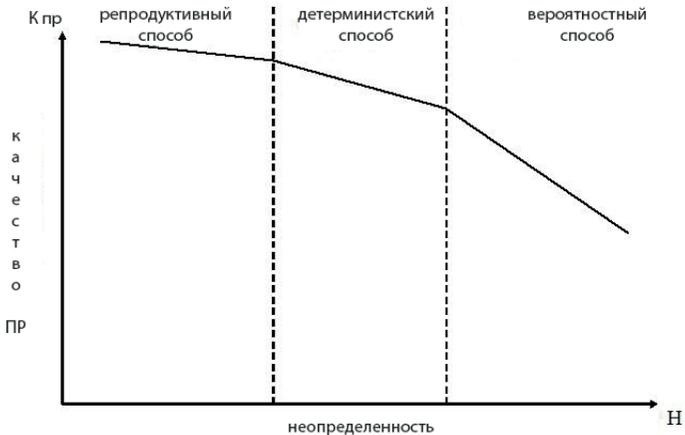
Вместе с тем, не следует, конечно, упрощать реальную ситуацию, поскольку она, в действительности – именно в плане соотношения репродуктивного и продуктивного принципов организации деятельности, является еще более сложной и неоднозначной. Дело в том, что в любом отдельно взятом случае, т. е. при возникающей в каждый конкретный момент времени ситуации, она, характеризуясь сходством или даже подобием с уже содержащимися репрезентациями профессионального опыта, все же включает и тот или иной момент «новизны», отличия от «уже бывших» ситуаций. Поэтому и репродукция реагирования на нее должна быть не механической, а *адаптивной*. Она должна строиться не по типу автоматизированных реакций (операций), а по типу осознаваемых актов, ответов на нее. Реагирование на ситуации должно базироваться не на актуализации навыков, не по типу операций (которые как раз и ассоциируются в психологии деятельности с феноменом репродуктивности), а по типу опоры на системы *знаний*, по принципу актуализации именно знаний и построения на их основе соответствующего, т. е. именно *осознаваемого* способа ответа. Вместе с тем, сама степень осознаваемости профессионального опыта, всей совокупности используемых знаний может существенно различаться при реализации репродуктивного способа. Она в ряде случаев может быть достаточно редуцированной, в связи с чем сам опыт реализуется в форме так называемых «ситуационных стереотипий» (по [8]).

Наряду с этим, важно учитывать и ту крайне значимую роль, которую играет в организации деятельности известный «принцип экономии»; подчиненность многих аспектов деятельности и всей ее в целом данному принципу. Он – в наиболее общем виде, как известно, предполагает последовательную и развертывающуюся по нескольким направлениям *минимизацию* субъектных «затрат» на нее. Однако именно принцип репродуктивности является, безусловно, наиболее «выигрышным», т. е. более «экономичным» и в этом отношении. Кроме того, нельзя забывать и о том, что именно принцип репродуктивности лежит в основе формирования и профессионального опыта субъекта в целом. Он является основой расширения всего «репертуара» деятельностных средств, арсенала способов и стратегий организации деятельности.

В результате действия рассмотренных выше закономерностей, *реальная*

динамика способов организации процессов ПР в деятельности существенно усложняется и обретает вид, который схематично можно проиллюстрировать следующим образом (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Взаимосвязь динамики основных способов реализации процесса ПР и степени неопределенности ситуации (дескриптивно-деятельностный подход)

В эту динамику включается новый способ подготовки и принятия решения – репродуктивный. Более того, он является первичной и исходной «реакцией» субъекта на возникновение ситуаций, характеризующихся неопределенностью и, соответственно, – необходимостью реализации в них процессов ПР. Он, предворяя тем самым собой детерминистский способ, так же, как и он (и это наиболее принципиально) обеспечивает реализацию процессов ПР именно по аналогичному с ним принципу – детерминистскому. Следовательно, он позволяет расширить общий интервал, который обозначается в теории решений как интервал *компенсированной неопределенности*, а тем самым существенно повышает общую резистентность субъекта к данному фактору, что, в свою очередь, выступает очень мощным фактором общей оптимизации деятельности. Вполне закономерно также, что этот же способ значительно содействует и повышению практически всех результативных параметров деятельности, а также повышению степени субъективного комфорта от ее осуществления и степени самооценки правильности ее реализации.

С этих позиций становится очевидным также, что сама *ситуация* – и как некоторая объективная реальность, и как понятие, явно недооцененное

теорией деятельности, должна быть понята и в качестве комплексной «единицы» формирования субъектно-деятельностного опыта. Это – способ и форма расширения не только «деятельностного арсенала» операционных средств (что, однако, уже само по себе очень значимо), но и средство расширения профессионального *опыта* субъекта. «В» ситуациях и «через» них, а также через их трансформацию в статус репродуктивных («уже бывших», «знакомых»), происходит «кристаллизация» и аккумуляция профессионально-деятельностного опыта субъекта. Особо выражено и значимо это именно по отношению к наиболее значимым деятельностным ситуациям, которые обычно и соотносятся с ситуациями выработки решений. Кроме того, с этих позиций становится не только очевидной необходимость синтеза теории решений с очень общей *парадигмой ситуационизма*, но и выявляются совершенно конкретные пути и средства такого синтеза.

Наконец, в свете представленного выше анализа раскрывается еще одна грань детерминационного влияния процессов ПР на организацию деятельности в целом; выявляется еще одна – значимая, на наш взгляд, закономерность такого влияния. Она состоит в том, что по отношению к организации деятельности процессы ПР, фактически, реализуют еще одну, не эксплицированную пока ни в теории решений, ни в теории деятельности, функцию. Действительно, как можно видеть из изложенного, в конечном итоге вся представленная выше картина обусловлена опять-таки ни чем иным, как стремлением субъекта к минимизации функциональной роли процессов ПР в организации деятельности. Он – по ходу развертывающейся профессионализации – все более расширяет арсенал репродуктивных средств деятельности, что в свою очередь означает все более полную *замену* процессов ПР средствами принципиально иного типа – репродуктивными по своей сути. Тем самым осуществляется общая оптимизация деятельности – причем, одновременно по целому ряду направлений, которые и были рассмотрены выше. Таким образом, вновь можно констатировать ту же принципиальную картину, которая была выявлена ранее при анализе феноменов элиминации. А именно: процессы ПР не только прямо и непосредственно влияют на результативные параметры деятельности (хотя, конечно, и так тоже), но оказывают это же влияние и принципиально иным путем – опосредствованно. Они как бы «выдаввливают» сами себя из структуры деятельности, трансформируясь в репродуктивные способы и средства снятия ситуаций неопределенности. Более того, именно в деятельности для этого существуют, пожалуй, наибольшие и, притом совершенно объективные, предпосылки и условия. Они коренятся в атрибутивно присущих деятельности чертах – повторяемости, стандартизованности, регламентированности, стереотипизированности и т. п. Можно сказать, что деятельность – это не только основной «заказчик»

репродуктивных форм ее организации, но и основное наиболее комплексное условие (и в этом смысле – «изготовитель») формирования именно таких форм. В этом плане становится очевидным, что процессы ПР раскрываются по отношению к организации и формированию деятельности в еще одной своей не эксплицированной в теории решений функции – *генеративно-порождающей* (а шире – и генетической). «В» и «через» процессы ПР деятельность не только проявляется, но и формируется – прежде всего, посредством складывания и совершенствования особой категории фундаментальных по своей значимости средств ее организации – репродуктивных.

Заключение

Таким образом, подводя итоги представленному выше анализу, можно сделать ряд заключений обобщающего характера, основные из которых состоят в следующем.

Во-первых, в настоящее время сложились все необходимые и достаточные условия для того, чтобы преодолеть одну из наиболее негативных черт современного состояния исследований в двух фундаментальных психологических направлениях (теории решений и теории деятельности) – фактически, отсутствие их действенных «концептуальных контактов» и тем более – их синтеза. И, напротив, реализация такого синтеза, как можно видеть из представленных выше материалов, действительно может в значимой степени содействовать развитию и углублению представлений по каждому из них.

Во-вторых, тем «концептуальным мостом», который позволяет действительно реализовать такой синтез, является общенаучный принцип системности, взятый, однако, в его совершенно конкретном выражении, суть которого состоит в следующем. Процессы ПР должны изучаться не «прямо» и непосредственно, не «сами по себе» (т. е. в их «чистом виде»), что предполагается методологией традиционной теории решений, а принципиально иначе – опосредствованно, точнее – деятельностно-опосредствованно. Они должны трактоваться и изучаться как такие операционные средства, которые формируются и реализуются «в» деятельности и «для» деятельности – как естественные и объективно необходимые для ее организации операционные средства. Лишь в деятельности они обретают поэтому свое конкретно-системное бытие, свою истинную – ненарушенную «исследовательскими процедурами» форму и наиболее богатый вид, развернутое содержание. Однако именно такой подход и равнозначен тому, что в системной методологии обозначается как смена призм видения – «предметоцентрической» на «системоцентрическую». Именно эта смена, а также развернутая реализация второй из указанных призм – это и есть, фактически, конкретная реализация системного подхода как такового.

В-третьих, очень показательно, а в плане обоснования предложенного выше подхода – и доказательно, что именно он позволяет получить целый ряд новых результатов как по отношению к проблеме ПР, так и по отношению к проблеме деятельности. Главными из них являются, на наш взгляд, две новые функции, которые выполняют процессы ПР по отношению к организации и реализации деятельности, равно, впрочем, как и к ее формированию. Это функции, обозначенные выше как *структурообразующая* и *генетически-порождающая* (генетическая).

В-четвертых, посредством экспликации и анализа именно этих функций выявляется обстоятельство и еще более имплицитного, но одновременно – и более значимого плана. Оно состоит в том, что в реальности детерминационные воздействия процессов ПР на результативные параметры деятельности представлены в двух основных и принципиально различных модусах. Первый – это *непосредственное* влияние качества принимаемых решений на результативные параметры деятельности.

Именно это влияние, существуя, естественно, как несомненная реальность, зачастую рассматривается уже не только как основное, но и как *единственное*. Вместе с тем, это не так, поскольку существует еще один – более «скрытый» от непосредственного наблюдения тип детерминационного воздействия. Он состоит в том, что процессы ПР, обладая «отрицательной валентностью» для субъекта, как бы «выдавливают» себя из структуры деятельности, что проявляется в общей тенденции к минимизации функциональной роли этих процессов в общей организации деятельности. Деятельность и структурируется и развивается (эволюционирует) в процессе профессионализации таким образом, чтобы минимизировать эту роль. Следовательно, процессы ПР оптимизируют общую организацию деятельности и за счет того, что (хотя это не вполне обычно с традиционной точки зрения) они имеют мощную тенденцию к «самоисключению» их из структуры деятельности, а тем самым и на основе этого – к максимизации ее результативных параметров. В результате и вся деятельность развертывается «в пространстве», образованном двумя «полюсами»: субъективной элиминативной тенденцией и объективной неустранимостью самого предмета этой элиминации – ситуаций ПР – и, соответственно, процессов выбора в них. Одновременно – это и одно из основных противоречий, лежащих в основе реализации деятельности: тот объективный антагонизм, который выступает одним из основных факторов, динамизирующих деятельность и, соответственно, лежащих в основе всей ее функциональной динамики.

С позиций сформулированных выше результатов становится существенно более понятной и та ситуация, которая была констатирована в начале статьи. Ее суть состоит в том, что несмотря на кажущуюся предельно очевидной

«решающую» и повсеместную роль процессов ПР в организации деятельности, эта роль постоянно «ускользает» от обнаружения и раскрытия. Представленные выше данные показывают, что такое «ускользание», в действительности, вполне закономерно, поскольку сама связь и детерминационные влияния процессов ПР на деятельность в реальности являются совсем не такими, как это полагается априорно и (или) традиционно. Они отнюдь «не лежат на поверхности», а носят, как правило, более глубокий и имплицитный характер. И лишь его обнаружение и раскрытие, представленное, в частности, в существовании двух охарактеризованных в данной статье новых функций процессов ПР (структурообразующей и генеративно-порождающей), позволяет в существенно большей степени приблизиться к выявлению и пониманию реальной, а не кажущейся очевидной, детерминационной роли процессов ПР по отношению к организации и реализации деятельности, а также к ее формированию.

Литература

1. Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 300 с.
2. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. – М.: Наука, 1985. – 219 с.
3. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. – М.: Наука, 1966. – 114 с.
4. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. – 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 82–127.
5. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – 602 с.
6. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения. – М.: Изд-во ИП РАН, 2000. – 230 с.
7. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – М.: Изд-во ИП РАН, 2000. – 358 с.
8. Карпов А. В. Психология деятельности. Т. 2. Структурная организация. – М.: Изд. дом РАО, 2015. – 411 с.
9. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – 450 с.
10. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – М.: Изд. дом РАО, 2012. – 494 с.
11. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
12. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. –

- М.: Политиздат, 1984. – 464 с.
13. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
  14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 410 с.
  15. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. – М.: Изд-во ИП РАН, 2006. – 622 с.
  16. Нормативные и дескриптивные модели принятия решения. – М.: Наука, 1984. – 410 с.
  17. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практика. – М.: Наука, 1977. – С. 134–149.
  18. Психологические основы профессиональной деятельности. Хрестоматия. – М.: Per Se, 2007. – 854 с.
  19. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1984. – 410 с.
  20. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – М.: Изд-во ИП РАН, 2013. – 419 с.
  21. Hacker D. J. Metacognition: Definitions And Empirical Foundation // The University of Memphis // URL: <http://www.psyc.Memphis.edu/trg/meta.htm>
  22. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. – Cambridge: CUP, 1982. – 555 p.
  23. Simon H. A. Administrative behavior. – N. Y., 1947. – 236 p.